Кирилл Фролов

СТАРУХИ

Рассказы

18+

Кирилл Фролов

Старухи

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Фролов К.

Старухи / К. Фролов — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Произведения Кирилла Фролова написаны в реалистической манере, их тематика близка каждому из нас – это воспоминания детства, истории простых, на первый взгляд незаметных людей, их подчас драматичных и даже трагичных судеб. Несмотря на драматичность описываемых событий, автор довольно часто прибегает к тонкому юмору, особенно в диалогах, подмечая речевые характеристики персонажей, связанные с их профессией, местом проживания, возрастом, социальным положением.Основные экзистенциальные темы, объединяющие рассказы Кирилла Фролова, – это человеческое достоинство, сострадание, бескорыстная и порой безответная любовь, боль разлуки с ушедшими близкими, а также почти незаметный подвиг маленького человека, зачастую выраженный в притчевой форме.

© Фролов К., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Библиотека 6
Реки 9
Ноги 13
Сны о бабушке 16
Конец ознакомительного фрагмента. 20

Библиотека

– Так, теперь нужно заехать в Покровское – там церковь начала девятнадцатого века, возможно, сохранились фрески. Я был там лет тридцать назад, и уже тогда деревня вымирала. Так что сейчас она уже, скорее всего, заброшена, – объявил водитель внедорожника Саша своим спутникам.

Целью экспедиции по захолустным деревеньками Весьегонского и Сандовского районов были заброшенные памятники архитектуры – церкви, усадьбы, кое-где даже остатки водяных мельниц и дореволюционных пожарных станций. В нескольких деревнях удалось сфотографировать очень симпатичные деревянные домики с резьбой.

Большинство деревень было заброшено, в остальных жили по нескольку стариков и дачников, довольно редких в этих местах из-за бездорожья. В некоторых деревнях участники экспедиции набредали на заброшенные фермы, дома культуры, амбулатории, детские сады, школы, магазины. В Заболотье школа была ещё с целыми стёклами, а в классных помещениях стояли парты, стулья, застеклённые шкафы с заформалиненными лягушками, на стенах висели карты и портреты писателей и учёных. В одном из классов на доске было написано мелом: «Школа, мы скучаем! Выпуск 2001 г.» А сверху недоверчиво поглядывали на нежданных гостей русские классики – сердитый Толстой, угрюмый Тургенев и задумчивый Пушкин, отделённый от Тургенева пустым гвоздём, обрамлённым еле заметным прямоугольным контуром на стене.

Дорога в Покровское была грунтовой, местами с огромными непросыхающими лужами. В некоторых местах колеи были настолько глубокими, что водитель Саша опасался за подвеску своего внедорожника:

– Здесь только на вездеходе проехать можно!

К удивлению заезжих искусствоведов, Покровское оказалось жилым. Многие дома были окружены довольно аккуратными огородами, в палисадниках росли цветы – в основном золотые шары, мальвы, бархатцы, водосборы. В ответ на шум приехавшего автомобиля в окнах стали приподниматься белые обшитые кружевами занавесочки.

Машина подъехала к церкви, из неё вышло четверо человек. Они подошли к двери храма, но увидели на ней замок.

– Что вы хотели? – услышали они сзади скрипучий голос. Обернувшись, путешественники увидели древнюю старуху в белом с цветочками платке и болотного цвета кофте поверх заношенного фланелевого халата.

– Мы… Мы из Москвы… Мы исследуем памятники архитектуры, – начала объяснять, запинаясь, Марина.

– А как можно внутрь попасть? – осмелел Андрей под суровым взглядом старухи.

– А-а-а, тогда вам нужно к Татьяне Ивановне, – ответила старуха. – Но она сейчас на работе – рабочей день же сейчас! В самом разгаре!

Гости удивились: в большинстве окрестных деревень жили либо старики, либо дачники, и если кто-то и работал, так только на собственных огородах.

– А где работает Татьяна Ивановна? – продолжила переговоры Марина.

– Известно где! В библиотеке. В Доме культуры. Вон, видите здание такое белое за кладбищем? Вот вам туда – это вот и есть Дом культуры.

Татьяна Ивановна, на вид тоже как минимум лет восьмидесяти от роду, седая, в толстых очках, в коричневом пиджаке с брошкой в виде розочки поверх белой блузки с воротником жабо, восседала за рабочим столом и заполняла какие-то маленькие пожелтевшие прямоугольные кусочки бумаги.

– Козлова Татьяна Ивановна, заведующая Покровской сельской библиотекой, – торжественно представилась старушка гостям.

Кроме Татьяны Ивановны в библиотеке сидели ещё три старухи. Одна, в толстенных очках на резинке, водила пальцами по страницам толстой книги, вплотную к ней приблизившись и беззвучно шевеля губами. Вторая листала подшивку пожелтевших газет. Третья вязала на спицах. При виде гостей вязавшая и листавшая газеты подняли головы и принялись гостей разглядывать. В течение нескольких последующих минут в библиотеку входили и другие люди – сначала уже виденная приехавшими старуха в болотной кофте, потом ещё несколько старух и, наконец, очень смуглый старик с одним-единственным жёлтым торчащим наружу зубом.

– Простите, Татьяна Ивановна, а не могли бы вы открыть нам церковь? – спросила, улыбаясь, Марина. – Там, говорят, фрески сохранились…

– Да, конечно, с удовольствием! Через сорок минут у меня обеденный перерыв, тогда я вам всё и покажу. Понимаете, наша церковь – памятник архитектуры, и наш долг её охранять, вот мы и запираем её – мало ли, кто может войти!.. А вы пока можете ознакомиться с нашими фондами: вот классика, вот советская литература, вот зарубежная, детская, периодика…

Татьяна Ивановна показала рукой на подписанные по трафарету красной гуашью стеллажи и стыдливо остановилась у надписи «Новые поступления».

– Вот с новыми поступлениями у нас прямо беда, не знаю, что и делать. Я каждый квартал заполняю бланки запросов на пополнение фондов и посылаю с автолавкой в Сандово. Даже в Тверь, в центральный бибколлектор уже писала! И ни ответа ни привета аж с девяносто восьмого года! Вот то, что вы здесь видите, – это Дима, правнук Клавдии Ивановны, нам отдал после её смерти: Библия старинная, Джек Лондон, Чехов и Серафимович. Я, конечно, благодарна ему была, но хочется ведь чего-то нового, современного…

– Извините, а сколько у вас в деревне жителей? – спросил Олег, делавший фотографии помещения и находившихся в нём людей на протяжении всего монолога Татьяны Ивановны.

Татьяна Ивановна потупилась и, глубоко вздохнув, проговорила:

– Семнадцать. Из них шестнадцать записаны в библиотеку.

– Один Сергеич у нас тут незаписанный! – пропела высоким скрипучим голоском одна из молчавших доселе читательниц.

– Даже не уговаривайте и не уговаривайте! – прохрипел однозубый старик. – Эти все книги ваши – сплошные выдумки! Я сам вам про свою жись такого рассказать могу – на десять ро́манов хватит!

Татьяна Ивановна строго посмотрела на Сергеича и продолжила:

– Видите ли, библиотека – это ещё и культурный центр. Молодёжи у нас давно уже нет, Дом культуры не функционирует, поэтому всю его функцию взяла на себя библиотека. Три раза в неделю у нас проходят репетиции фольклорного ансамбля, сегодня вот в 15-00 состоится заседание читательского клуба: обмен мнениями о прочитанном за неделю. Клуб народных ремёсел функционирует: вот эти вот все корзины и туеса в углу – это всё наши местные умельцы делают (Сергеич широко улыбнулся красными дёснами и единственным оставшимся страшным зубом). Есть коллекция детской литературы – вот правнук Клавдии Ивановны, Дима, когда мальчонкой был, всё, бывало, если дождь особенно, к нам в библиотеку ходил. Я до сих пор его формуляр берегу – мало ли что! А так – самой младшей читательнице нашей шестьдесят восемь.

– Это Лида, у ней сегодня давление, – важно сообщила одна из старух.

– …А самой старшей – девяносто четыре.

– Филипповна, слышь? Про тебя говорят! – гаркнул Сергеич в ухо старухе в очках на резинке, которая в течение всего разговора продолжала читать, шевеля губами и не обращая внимания на гостей, и только теперь, после окрика Сергеича, приподняла голову.

– А-а-а? – пробасила Филипповна.

– Что читаешь? – рявкнул Сергеич.

Филипповна посмотрела на обложку и, проведя пальцами по названию, прочла его вслух:

– «Сестра Кер-ри».

– Ишь, тоже «Сестру Керри» взяла. А ты читала? Мне очень понравилось! – негромко сообщила одна из старух другой, а потом добавила, уже громче, для гостей:

– Марья Филипповна у нас Фадеева больше всех любит!

– Да-а-а! По мне, так Фадеев как раз самый луччий! – изрекла напоследок Филипповна и снова опустила голову к открытой книге.

Тем временем Татьяна Ивановна посмотрела на часы и объявила, что пришло наконец время обеденного перерыва. Все присутствовавшие, кроме Филипповны, направились из библиотеки, минуя кладбище, в церковь. Татьяна Ивановна отперла тяжёлый амбарный замок и со скрипом открыла массивную дверь. Свет внутрь проникал только из дверного проёма: окна были забиты досками.

– Это вот Владимир Сергеевич с Димой, правнуком Клавдии Ивановны, позапрошлым летом окна перекрыли и полы настелили. Но, конечно же, это полумера: нужна полная реставрация и здания самого, и фресок, – важно произнесла Татьяна Ивановна, а затем, как бы невзначай, добавила: – Кстати, в основу большинства изображений положены гравюры Доре.

Кто-то из москвичей достал фонарик и посветил на довольно хорошо сохранившиеся изображения на стенах. Марину больше всего впечатлила грустная Богородица, держащая белую пелёночку разведенными в стороны руками. Олег стал делать фотографии. Воцарилась тишина, которую через несколько минут прервала Татьяна Ивановна:

– Кстати, раз уж у нас разговор такой зашёл, вы не могли бы там у себя в Москве как-нибудь посодействовать пополнению наших фондов? Ведь тринадцать лет уже фонды не пополняются! Честно говоря, в ближайшие год-два нам здесь уже совсем нечего читать будет! – в голосе Татьяны Ивановны послышалась нотка отчаяния. Она опустила глаза, опустила голову, а затем, постояв так с пару минут, снова воспряла:

– Кстати, а вы случайно не писатели? А то мы могли бы вам встречу с читателями организовать, пока вы тут у нас гостите…

– Да нет, мы так, искусствоведы, любители старины…

– Ну так, значит, статьи какие-нибудь пишете? Статьи мы тоже читаем!

– Да нет, мы поедем, нам ещё в Терехово надо, в Спасское сегодня успеть…

– Ой, а поесть-то на дорожку! – испуганно вскрикнула одна из старух, взмахивая руками.

– Нет, нет, спасибо! – поспешно отказалась Марина.

– Ну хоть молочка-то на дорожку! Сергеич, добеги до моей избы, там на кухне банка трёхлитровая с молоком – своё же, натуральное!

По дороге в Терехово Олег рассматривал свои фотографии – помимо фресок и церкви с разных ракурсов, ему очень понравились снимки, сделанные в библиотеке: Филипповна в очках на резинке водит пальцем по строчкам, Татьяна Ивановна в пиджаке и белой блузке под надписью «Русская классика» на выцветшей полоске бумаги… Андрей держал в руках трёхлитровую банку молока, Марина – корзинку душистой чёрной смородины, а у сидевшего за рулём Саши в кармане лежал сложенный вчетверо пожелтевший тетрадный листок с перечнем желаемой литературы, написанным аккуратным почерком Татьяны Ивановны. На небо набегала грозовая туча, начинавшая прятать жаркое июльское солнце. Путешественники смотрели на неё и молчали.

Реки

Море я впервые увидел в неполных тридцать лет, а вырос на реках, и плавать научился в Волге. Потому-то и люблю я реки так сильно.

Каждая река, с которой мне приходилось общаться, имеет свой характер, свои привычки, свои причуды и прелести. Каждая из них словно знает, что является символом времени и скоротечности жизни, и ведет себя соответственно собственным представлениям о том, каким должен быть этот символ.

Волга в Твери еле движется, и над ней чаще бывают тучи и дожди, чем во всем остальном мире. По крайней мере, так мне она запомнилась с детства. А еще все стремятся на ее берега отдохнуть или утешиться, напиться до беспамятства или уединиться с любимыми, или всё вместе.

Тверца – не в самом городе, а повыше – очень быстрая и до слез красивая. Когда-то по ней ходили крошечные пароходики. Остов одного такого пароходика под названием «Ласточка» я видел на её берегу, когда катался с папой на велосипедах двадцать пять лет назад.

В Тверцу впадает Кава, которая в начале мая несется к устью так бешено, как будто она лермонтовская Арагва. В это время мне всегда хочется окунуться в нее, чтобы почувствовать телом силу ее струи. Но всегда откладываю общение с ней на потом.

А в особенно жаркие летние дни меня утешала Тьмака – холодная и медленная ближе к устью, с таинственной темной водой.

Отец мой с легкостью переплывал Волгу в обе стороны. Бабушки и дедушки тоже уверенно чувствовали себя в речной стихии. Но говорили мы об этом редко. Да и о чем тут особенно говорить? Река всегда рядом, как земля и небо.

– Нюш, там на том берегу наши стоять!

От этих слов в сердце что-то заныло, как в юности, когда Коля в первый раз прижал ее к своей груди. Стало жарко под утренним апрельским небом. Корзины в руках, еще мгновение назад такие привычные, внезапно отяжелели.

Стало немного страшно за Колю: кругом все еще стояли фашисты, и было совсем непонятно, как наши пробрались к тому берегу.

Моросил дождь, под ногами хлюпала грязь, а в груди было так свежо и томительно! Но Нюша никому об этом не сказала – она была женщиной степенной. Она поправила платок и пошла дальше – дома ее ждали трое ее голодных детей. Самая старшая, Маша, – большая умница, уже помощница. Нюша отправит ее учиться. В город. А Нина – совсем еще маленькая, хиленькая, с широко раскрытыми удивленными и доверчивыми глазками. И еще Коленька, еще в пеленках – ждет, когда же мать приложит его к груди. Бабушка носит его по скудному пространству их крошечной избушки и поет ему песни. Коленька… Кровиночка – он так похож на него. Он обязательно станет такой же, как он: самый лучший, самый любимый!

Дождик все моросил, и деревня покрывалась каким-то желтоватым туманом. На черных полях снег уже сошел, и скоро пробьется ласковая озимь. Надо только ждать – и весна придет, и война закончится, и он вернется в свой дом.

Тусклый апрельский день тянулся необычайно долго. Казалось, утро было уже страшно давно, и Петровна, небрежно выкрикнувшая чудесную весть, казалась призраком, погребенным в зыбких недрах памяти. Перед Нюшей одна за другой вставали бессловесные картины ее прошлого – всех двадцати пяти лет ее жизни. Коленькин плач, возня девчонок, бесконечные причитания свекрови – все казалось ей каким-то потусторонним, каким-то совершенно отдельным от нее. Сегодня она не сердилась, не горевала, не полошилась – она лишь ждала вечера, смутно что-то предчувствуя, не зная еще, что и как будет делать. Она лишь чувствовала

в себе непонятную, неосознанную, но спокойную и радостную силу, бессловесную решимость, из ниоткуда зародившуюся, и неизвестно было, к чему она могла привести.

Но вот и стемнело. Коленька покушал и уснул в люльке, девочки тоже уже спят. Свекровь тихо всхлипывает и крестится перед иконой, забросив свою пряжу. Сейчас она выплачется и уснет. Осталось совсем немного потерпеть.

Но вот и пришла вожделенная минута. Закутавшись в полушубок и в пуховую косынку, перекрестившись, она вышла, не вполне осознавая, зачем и куда идет, но ноги шли как-то сами, мерно, не спеша…

Вот и берег совсем недавно оттаявшей реки. Постояв с минуту, Нюша, точно в детскую летнюю пору, скинула полушубок, сняла валенки, а потом и косынку, припрятала все это надежно в береговых зарослях – и прямо так – в одной рубахе и простоволосая – стала медленно погружаться в обжигающе-студеную воду.

Плыть было совсем недолго – речка была узкой. Под руками и шеей похрустывал успевший вечером появиться прозрачный ледок. Грести приходилось одной рукой – в другой был зажат узел: никогда – ни в юности, ни в старости – она не приходила к любимым людям с пустыми руками. Время стерло содержимое этого подарка.

Противоположный берег оказался совсем пустым и чужим, и ноги побрели дальше, босиком по обледенелым прошлогодним будыльям прибрежного луга. Потом она зашла в лес, такой родной и знакомый по летним ягодным и грибным походам, но такой чужой и горестный в эту ночь. Каким далеким казался ей этот путь! Но потом – она не помнила, как и когда – она нашла его. Он был среди других солдат, которые встретили ее, раздетую и простоволосую, с подозрением. Но она не заметила и не запомнила их. Она запомнила лишь, как он обнял ее, и ей стало так тепло под его шинелью! Она прижалась к его груди и всем существом своим впитывала его запах, такой родной и любимый. Она не запомнила ни слов, ни мыслей, а спирт из кружки закрыл ей глаза.

Наутро дрожащими, ослабевшими руками она растопила печь и повесила подле нее свое мокрое исподнее. Потом легла и заснула. Перед тем, как стремительный сон объял ее уставшее тело, она тихонько прикоснулась рукой к своим губам, и уголки их слегка зашевелились.

Эту историю прабабушкиного артрита я слышал лишь однажды и в очень кратком варианте. Моя прабабушка не была сентиментальна и молча игнорировала мои просьбы рассказать подробности ее ночного плавания. Поэтому мне пришлось додумывать эти подробности.

Когда она приезжала к нам в гости из деревни первым автобусом («Кто там?» – «Бабушка спозаранку!»), навьюченная сумками с щедрыми деревенскими гостинцами, я смотрел в ее строгие, задумчивые глаза, окаймленные еле видными побелевшими ресницами, и пытался увидеть в них что-то новое о ее прошлом. Но бабушка Нюша молчала. Она была, по ее собственным словам, женщиной степенной, и подробности той ночи ее последнего свидания с моим прадедом унесла с собой, отправившись в плавание по другой – вечной – реке.

Я часто потом пытался представить себе ту реку на Орловщине, это плавание в ледяной воде и путешествие в мокрой рубахе босиком по мерзлой земле.

Глядя на карту, я пришел к выводу, что Ицка – совсем маленькая речка. Не больше Тверцы в районе Кобячева, куда я иногда езжу купаться. Но и такую узкую реку переплыть в начале апреля, гребя одной рукой, нелегко.

– О! Кобячево? Я там столько раз бывала! Там же лагеря пионерские были. Много их там было! И я их все курировала!

Это уже моя бабушка Маша, бывшая сотрудница санэпидстанции, рассказывает мне свою речную историю.

– Помню, как-то раз приехала я в один лагерь. Приезжаю, захожу к ним, здрасьте, мол, я такая-то и такая-то. А заведующая мне: «Ой, Марья Николаевна! Вы, наверное, устали с дороги! Давайте-ка чайку сперва попьем!»

Ну, думаю, что ж не попить-то? Тем более жара стояла жуткая, автобус еле тащился, потом еще речной трамвай на пристани долго ждать пришлось. Хотя мне сразу показалось, что уж больно радостно как-то она меня встречает.

Ну так вот. Садимся, значит, чай пить: я, заведующая, кастелянша и повариха. Смотрю – а на столе чего только нет! И варенье разное, и печенье, и мед. Ну, думаю: «Значит, нарушения у них тут, вот и хотят меня задобрить». Тут заведующая мне и говорит: «Пробуйте медок местный, Мария Николаевна! А если понравится, то и баночку с собой возьмите!» И показывает мне на банку меда двухлитровую. Смотрю я на эту банку, и видно: мед хороший, патоки не намешано. И думаю: «Наверное, много нарушений».

«И варенье кушайте! Зоя Паллна сама варила из ягод местных – тут и черничное есть, и земляничное, и брусничное!» И показывает, значит, на повариху. «Наверное, повариха подворовывает», – думаю я. Надо хорошенько все проверить, да и весы заодно посмотреть. Ее, конечно, тоже понять можно: кто же на таком месте подворовывать не стал бы? Но тут все-таки дети! Грешно детей-то обирать!»

«Если варенье понравится, так вы его, Марья Николаевна, и себе возьмите! Дети-то есть у вас? Вот их и угостите!»

Ну, попила я, значит, чаю, «спасибо» говорю, а заведующая мне: «Да куда же вы так скоро! Давайте еще по чашечке! Чай у нас индийский, со слоном, его Лидия Ивановна из Москвы везла!» И на кастеляншу показывает. Ну, думаю, кастелянша, значит, тоже подворовывает, моющие средства таскает.

«Марья Николаевна! А что же вы конфеты-то не пробуете?» И протягивает мне коробку конфет шоколадных. Я смотрю: «Ассорти. Красный Октябрь». Ну, думаю, значит, много тут у них нарушений. А заведующая мне: «А вот это вам лично! Угощайтесь на здоровье!» И вторую такую же коробку мне протягивает.

Ну, думаю, тут у них, видать, не пойми что творится!

Встаю я, значит, «спасибо» говорю, «все очень вкусно», портфель свой беру и иду в пищеблок. У них улыбки как ветром сдуло, подскочили все втроем, забегали.

А я пробы все взяла, все проверила, меню вычитала, в кастрюли все заглянула, в холодильник… Нарушения были, но не так много, как я думала. Выписала штраф, предписания… Иду в корпуса. Там ничего так, неплохо, но нарушения тоже есть. Не так чтобы очень грязно, но не все санитарные условия выполняются. Ну, я им еще один штраф выписала и предписание выдала. Заведующая красная уже, недовольная, молчит, только зыркает, а кастелянша уже и пропала куда-то.

Иду я тогда в кладовую – моющие средства проверять, ведра, тряпки, веники… Тоже нарушения были, но не такие страшные, как я думала – после коробки ассорти-то…

Все проверила, пробы взяла, попрощалась… Ну, заведующая уже так без улыбки меня провожала. И мед я брать не стала, и конфеты тоже. Неудобно как-то: сама штраф выписала, и сама же мед беру, да еще и конфеты «Красный Октябрь».

Вышла я, подхожу к пристани, а там уж и нет никого. Опоздала на речной трамвай, а он последний. А автобус на той стороне. И станция тоже.

Ну, думаю, что же делать-то? Назад возвращаться? В лагере переночевать? Да неудобно как-то: сначала штраф выписала, а потом – здрасьте вам! пустите переночевать!

Да и потом – дома-то что подумают? Что я мужу-то скажу? С работы не вернулась, дома не ночевала… Что я – буду ему рассказывать, как полтора часа в лагере чаи распивала?

Постояла моя бабушка эдак на берегу, постояла, потом спустилась поближе к воде, зашла в заросли, сняла с себя пиджак свой коричневый, свернула, засунула в портфель. Потом сняла с себя юбку, тоже свернула и тоже в портфель засунула. Затем, скинув туфли, тоже еле-еле запихала их в портфель. Подумала немного, огляделась и сняла с себя белую блузку с воротником жабо и тоже в портфель впихнула. Комбинашка в портфель уже еле вместилась. Потянулась было к застежке лифчика, но передумала – так поплыла. Гребла одной правой – в левой руке был портфель с одеждой, документами и пробами.

На берегу оделась. Одежда помялась, конечно. Да и намокла – белье-то мокрое на ней было! Но все же лучше прийти домой мокрой и помятой, чем вообще не прийти.

Ноги

– Движение – это жизнь! Запомните это, молодой человек! И берегите свои ноги! Не давайте им прозябать – пусть ходят, бегают везде… Уж мне-то поверьте! Уж я-то знаю!

Я в последний раз посмотрел на часы…

Как-то раз, когда моему отцу было двадцать три, он возвращался с братом домой на мотоцикле. Был ясный и теплый день – один из последних дней августовского солнца.

Он разогнался, съезжая с моста, и ему стало жалко скорости – такой будоражащей и пьянящей. Он решил успеть к Мигаловскому перекрестку, пока не зажегся красный.

Он успел – почти не снижая скорости, он сделал левый поворот на мигающий зеленый.

Тем временем водитель ГАЗа-66 тоже куда-то торопился и надавил на газ, едва дождавшись желтого. И мотоцикл врезался в него на полной скорости.

Скорая сначала забрала моего дядю – он кричал от боли, и было очевидно, что его надо спасать. За отцом же через некоторое время приехала другая машина, и фельдшерица с удивлением обнаружила, что рапластанное на асфальте окровавленное тело оказалось еще живым – и даже не потерявшим сознание – человеком. Он просто лежал и смотрел в небо. Он не чувствовал боли, но понимал, что очень сильно пострадал и что ног у него больше нет.

Первым моим детским воспоминанием было посещение отца в больнице. Мне исполнилось два года, и мама привела меня к отцу. Он был по грудь в гипсе. Но ноги у него все же были. Несколько позже, когда его выписали, я любил катать машинки по просторам папиного гипса.

Потом он снова попал в больницу – на этот раз очень надолго. Начались всяческие осложнения, загноения, неправильные срастания. Борьба за ноги – а потом и за жизнь – длилась несколько лет.

– Какой это был счастливый момент, когда я в первый раз после травмы разделся и пошел в душ! – рассказывал позже отец. Он долго стоял и смотрел на свои ноги. Он гладил их и улыбался. «Ноги. МОИ ноги! Они у меня есть…»

Позднее, каждый раз, когда мы проходили мимо какого-нибудь безногого калеки, просящего милостыню, отец всегда останавливался и подавал. И еще стоял рядом с ним какое-то время.

– Лена, у тебя тут ошибка повсюду – пропорции не найдены. Причем во всех работах. Вот посмотри, как ты ноги нарисовала: они не могут быть настолько длинными по отношению к туловищу. … Так, Аня, у тебя та же ошибка, что и у Лены. Внимательнее, девочки, к пропорциям…

Этот текст преподаватель моей сестры по рисунку в художественном училище выдал ей и ее подруге после того, как они весь вечер меня мурыжили, делая с меня наброски. Сестра возмутилась, хотела меня в училище притащить в доказательство того, что её ошибки тут нет.

Да, мои ноги сызмальства были длинны. К тому же я косолапил в детстве, а к подростковому возрасту они окончательно изогнулись иксом. Очень не любил я свои ноги!

А сейчас они мне нравятся. Благодаря им я много бегаю и катаюсь на лыжах и велосипеде. И очень редко опаздываю.

По дороге от площади Гагарина к Восточному мосту я увидел двоих молодых парней. У обоих ноги были искорежены ДЦП. У одного посильнее, и он шел с двумя палками. У второго ноги были чуть поровнее, и он шел только с одной палкой. Они отчаянно пробирались через мартовскую грязь, вспахивая железными набойками куски нерастаявшего льда, перемешанные

с лужами и комьями земли. Когда я поравнялся с ними, тот, что был с двумя палками, направил свое лицо в мою сторону. Он очень сильно косил, поэтому мне не сразу стало понятно, на меня ли он смотрит. У его спутника в этот момент зазвонил телефон, и он начал с кем-то громко и напряженно разговаривать.

– У вас не найдется рублей сорока? – спросил меня тот, который был с двумя палками.

Парни явно были не на точке, и я подумал, что им действительно, должно быть, нужны деньги. Я достал барсетку и начал ковыряться в ней. В этот момент второй паренек закончил разговор и громко сказал:

– Андрей, опять ты за старое? Мы же договорились, что это больше не повторится!

– Но я только…

– Не давайте ему ничего! У нас все есть – и деньги есть, и еда есть.

Я замешкался:

– А может…

– И помогать нам не надо! Мы сами справляемся прекрасно! Всего доброго!

Я пожал плечами и пошел дальше. Пройдя метров двадцать, я все же обернулся. Они стояли в глубокой луже, и однопалочник громко отчитывал Андрюху.

У меня было немного свободного времени на пробежку и душ, а потом мне надо было ехать на очень важную встречу, которую никак нельзя было отменить или перенести.

Надев майку, шорты и кроссовки, я радостно выскочил из подъезда и сделал разминку. Потом на маленькой скорости выбежал на улицу, ведущую в ближайший парк.

Пробежав всего метров двадцать, я увидел пожилую женщину, которая производила очень странный маневр. Бросив на асфальт хозяйственную сумку, она начала медленно сгибаться влево и тянуть руку к металлической оградке клумбы, высота которой была сантиметров сорок.

Я остановился и предложил помощь.

– Ах, спасибо, молодой человек! Мне бы только до продуктового дойти – тут совсем рядом.

Я поднял ее сумку, а она вцепилась в мою руку, и мы пошли к магазину.

Расстояние до продуктового было метров десять, но бабуля, казалось, совсем не могла сдвинуться с места. Потом она с усилием приподняла и продвинула на несколько сантиметров вперед правую ногу. Потом левую.

– Мы сейчас быстро – мне только до продуктового.

Таким образом мы передвигались, и я рассматривал трещинки в асфальте, через которые пробивались листочки одуванчика и белого клевера. Кое-где в эти трещинки забился мусор, и два воробья пытались извлечь из одной трещины что-то съедобное. Через несколько метров на асфальте был голубиный помет. Потом лежал окурок. И снова трещинка с одуванчиком.

– Ну, вот мы и пришли. Спасибо, молодой человек! Только… не откажите в любезности… Тут ступеньки…

Перед входом в магазин было десять ступенек. Я посмотрел на часы.

– Ну, вот и посдедняя – хыссь… хыссь… Ну, всего вам хорошего! Спасибо вам огромное и дай вам Бог здоровья!

Я радостно сбежал со ступенек, но сразу же остановился.

«Блин, бабуля же сейчас отоварится, и ей надо будет обратно идти…» – пронеслось в моей голове. Было очевидно, что самостоятельно – да еще и с наполненной сумкой – она даже ступеньки не преодолеет.

Я решил ее подождать.

Наконец дверь начала приоткрываться, и бабуля стала пробираться через проем. Она увидела меня и посмотрела вопросительно.

– Давайте я вас уж и до дома провожу.

Бабуля задумалась…

– Да нет, спасибо, я как-нибудь сама.

Но, приблизившись к первой ступеньке, бабуля сдалась.

– Вообще-то, я тут совсем рядом живу…

Мы в обратном порядке прошли мимо трещины с одуванчиком, окурка, пятен голубиного помета, трещинок с клевером. Дошли до сложного спуска с бордюра. Но и его удачно преодолели. Бабуля крепко держалась за мою руку, а я держал ее сумку с коробкой кефира, буханкой хлеба и пачкой гречки.

– Инсульт у меня был несильный – я его на ногах перенесла. Но вот ноги с тех пор как ватные. Нет, вы не думайте, я не паралитик какой-то, я нормально себя обслуживаю. Мне просто разойтись надо. А если засиживаюсь долго, то они опять перестают слушаться.

Я посмотрел на часы. Время пробежки было уже позади. Душ можно очень быстро принять.

– А вы очень симпатичный молодой человек! Меня, кстати, Марья Фёдоровна зовут, – кокетливо представилась Марья Фёдоровна. – Я в тринадцатом доме живу – в четвертом подъезде!

О Боже! В тринадцатом! В крайнем подъезде!!! Да тут еще метров семьдесят, не меньше!

– Вчера дождь был, ветер, холод. Ну, вот я и поленилась из дому выходить. Так целый день дома перед телевизором и просидела. А теперь вот жалею. Ноги-то после вчерашнего не слушаются.

«В душ можно ведь и вовсе не ходить – я же не бегал! Но я, пожалуй, еще и опоздаю сейчас…»

– Тут можно, в принципе, через дворик пройти…

– Давайте через дворик! – быстро отозвался я.

– Но, вы знаете, там бордюр… Высокий. А я сегодня не сильна на бордюры взбираться.

Голубь пьет из оставшейся после вчерашнего дождя лужицы. Рядом скачут воробьи. На асфальте написано: «МАША». Рядом лежит окурок. Я достаю телефон и набираю номер. Мне не отвечают, и я набираю снова.

– Молодой человек, если вы торопитесь, так идите! Чего время на меня тратить?

Я задумался. Мы уже набрали скорость – каждый шаг Марьи Фёдоровны был не меньше, чем полстопы, а паузы между шагами становились все короче. Жалко было терять такую скорость.

– А на каком этаже вы живете?

– На четвертом.

Меня охватило отчаяние.

– Но только я домой сейчас не пойду. Я сяду около подъезда, передохну чуток, а минут через сорок как раз Зоя Паллна на прогулку выйдет – так мы с ней еще по двору погуляем.

Эти слова меня немного порадовали. В конце концов, можно сослаться на пробки, час «пик», заторы в метро… Двадцать минут – не такое уж и страшное опоздание. Хотя в этой майке и в шортах нельзя…

– Надо больше гулять, молодой человек, больше двигаться. Движение – это жизнь! Запомните это, молодой человек! И берегите свои ноги! Не давайте им прозябать – пусть ходят, бегают везде… Уж мне-то поверьте! Уж я-то знаю!

Я в последний раз посмотрел на часы…

Сны о бабушке

СОН ПЕРВЫЙ

Первый сон самый частый. И самый тревожный.

Я сижу в гостиной своих покойных бабушки и деда. Я сижу за круглым столом, инкрустированным разными породами дерева: на столе изображены цветы и листья, очень красивые. Бабушка купила его с первой пенсии, чтобы за ним сидели внуки, шумно переговариваясь, жадно поедали черешню, а потом, выскакивая из-за стола, чтобы убежать скорее во двор к друзьям и к играм, не ударялись своими нежными телами об углы стола.

Я сижу вместе с бабушкой и дедом, и я очень рад, что наконец-то выбрался к ним, и недоумеваю, отчего это я столько лет не приезжал к ним в Кишинев?

Мы пьем вместе чай с булочками. Пережившая голод бабушка всегда следила за тем, чтобы в доме было вдоволь хлеба. И на столе лежит ароматный свежий ржаной каравай с хрустящей корочкой и много сдобных булочек, рогаликов всяких. Мы пьем чай и разговариваем, как обычно, громко, ведь оба они на старости лет стали глуховаты.

Мне радостно, и я понимаю с облегчением, что на этот раз мне не надо никуда спешить – ни на работу, ни в университет, ни в школу, ни на встречу с подростковой любовью, ни к товарищам захватывающих детских игр. На этот раз я никуда не тороплюсь, и могу хоть всю оставшуюся жизнь вот так просидеть за чаем и беседой.

От первого сна грустнее всего просыпаться.

– Пару месяцев назад выхожу я из магазина – и вдруг ко мне подбегает какая-то женщина и начинает обнимать меня и целовать, и плакать! «Роза Андреевна! Роза Андреевна! – кричит. – Вы даже не представляете себе, как я Вам благодарна!» А я стою и понять ничего не могу – я ее не узнала сначала. А потом вспомнила: это же мать Сажина! Ой, как я с ним намучилась! И после уроков с ним просиживала, и с ней без конца разговаривала. А вот он, оказывается, выучился, профессию получил, человеком стал, женился, своих двое детей у него…

Моя бабушка ушла на пенсию, когда ей исполнилось 55 лет – день в день, не проработав после дня рождения даже до конца рабочей недели. А до этого она тридцать лет работала учительницей. Сначала преподавала русский язык и литературу, потом перешла в начальную школу. Мы с сестрой и двоюродным братом всегда очень любили ее рассказы о школе. Мы снова и снова просили бабушку их пересказывать, и она в лицах свои истории повторяла.

Одна из них про мальчика Саначина. Он все время на уроках отвлекался, залезал под парту, рвал там какие-то бумажки или ел что-то. Очень бабушка мучилась с ним. Она как-то раз сказала ему: «Саначин, выйди из класса и приведи себя в порядок!» А он не вышел.

– Голову из-под парты вытащил, смотрит, жует что-то… Я ему опять говорю: «Выйди из класса!» А он всё сидит. Дети смотрят на него, смеются… Он тогда кривляться начал – когда увидел, что дети смеются. Я ему опять говорю: «Выйди из класса, а то я сама тебя выведу!» Он опять не вышел. Тогда я подошла, взяла его на руки и вынесла из класса. Дети смеяться начали, а ему не понравилось… А что я могла сделать? Зато потом он уже слушался меня!..

Была еще история про девочку Аллу.

– Показываю я им букву «А». Посмотрели, повторили, записали. Запомнили. Через пять минут спрашиваю: «Алла, что это за буква?» «Не знаю…» Думаю: «Что такое?» Оставила ее после уроков. Позанималась. На следующее утро приходит – я ей опять: «Алла, что это за буква?» – «Не знаю…» Я думаю: «Да что ж такое-то? Что с ней делать? Мне же надо как-то ее учить! Мы же с детьми уже другие буквы проходим!» А потом уже директриса сказала мне, что эта девочка умственно отсталая, что мама долго уговаривала ее взять девочку… «Возьмите,

говорит, ну возьмите!» Ну, думаю, тогда понятно! А я-то думала – что такое? А так поняла все…

– Папа мой – ваш прадедушка – был красным комиссаром! Он воевал в Гражданскую. Скакал на коне с шашкой! А потом у меня была корочка, что я член семьи красного комиссара. Меня пускали в баню бесплатно.

– Я очень любила кататься на коньках. У меня были такие деревянные конёчки – красивые, с закруглениями впереди. «Снегурки» назывались. Я привязывала их к валенкам и каталась по Оренбургу. Иногда просто по улицам каталась. Но частенько мы с ребятами прицеплялись к полуторкам и ехали так. А когда нас ловили милиционеры, они срезали коньки и уносили. И не отдавали.

И вот однажды прихожу я домой. Без коньков. Грустная такая! «Ну, что, срезали?» – спрашивает папа. «Да, – говорю. – Срезали». – «Ну, пошли со мной!»

Пришли мы в здание одно большое, папа поговорил с каким-то работником, удостоверение свое показал. Тот проводил нас в каморку какую-то, открыл… А там коньков разных – видимо-невидимо! «Выбирай, говорит, любые!»

Я снегурки взяла. Может, мои. Или точь-в-точь как мои.

– Но больше всего я любила сидеть в библиотеке. Дома-то книг у нас не было. Мама неграмотная практически была – ну что там она училась? Только в церковно-приходской школе пару лет… Это потом я уже и читать ее как следует научила, и книги ей покупала… Ну так вот. У нас библиотека была центральная городская. В ней книг много-много было! Еще дореволюционных, с ятями, издательство «Нива». И вот я в ней сидела и читала – читала, читала… Пушкина, Толстого, Достоевского, Чехова… Но больше всех мне всегда нравился Гоголь.

– Я читала: «Вообрази: я здесь одна, никто меня не понимает!» И думала: «Это же в точности про меня!» Дома только и разговоров – что поесть и что где купить. А мечтать о чём? А любить кого? А жить для чего? Папа говорил: «Мы живем и работаем ради светлого будущего!» А я думала: «А сейчас-то как жить? Я же в настоящем живу!»

Потом моя бабушка поступила на географический факультет Оренбургского университета.

– Я географию очень любила! Всю жизнь мечтала путешествовать!

Но когда она показала свои юношеские стихи одному молодому человеку (тридцать пять лет спустя он стал моим дедом), тот уговорил ее передать документы на филологический факультет.

– Вот так я стала учительницей русского языка и литературы.

– Я всегда говорила детям: «Так, вы получили новые учебники, оберните их аккуратно и уберите подальше. Из учебников вам нужно будет знать только имена и даты рождения писателей. Остальное мы будем узнавать из их произведений».

– А как я читала стихи!

И каждый вечер в час назначенный
(Иль это только снится мне?)
Девичий стан, шелками схваченный,
В туманном движется окне!..

Бабушка проникновенно, жестикулируя, читала эти строки.

– Дети аплодировали мне!

– А однажды – помню, был у меня такой Саша Клейман. Умный такой парень! Ну так вот: однажды веду я урок. Маяковский. Вызываю к доске: Саша Клейман! А он вдруг говорит мне: «Роза Андреевна, я не готов!» Я думаю: «Как же так?» Он ведь круглый отличник был! И вдруг – не готов. Я спрашиваю: «А почему?» Он говорит: «Я не буду учить наизусть Маяковского!»

Я смотрю на него и спрашиваю: «Чего вдруг?» А он мне: «Мне не нравятся его стихи!» А мне они и самой не нравились! Ну, я говорю: «Но у нас программа. По программе ты должен учить Маяковского!» А он мне: «Я не могу его учить!» Я постояла так, подумала… И говорю: «Ну, тогда я вынуждена буду поставить тебе «два»!» А он мне: «Ставьте, Роза Андреевна! Но я все равно не буду учить Маяковского!» Ну, я и поставила! А что мне было делать? У меня ведь программа, я ведь всем задала учить. А он не выучил…

– А Маяковский мне самой никогда не нравился. Нет, ну ранний Маяковский – это да! А вот это – «Слушайте, товарищи потомки!» – это ужасно!

Бабушка посидела, помолчала. Потом добавила: «Вот так-то…»

А потом еще помолчала и спросила меня:

– А тебе кто больше нравится – Пушкин или Лермонтов?

Я ответил.

– Мне всегда больше нравился Лермонтов, – задумчиво произнесла бабушка. – Со мной в университете спорили, говорили: «Пушкин лучше!» А мне всегда больше нравился Лермонтов!

– А когда я читала детям Блока, мне аплодировали!

Моя бабушка была толстушкой. У нее был большой живот – и я в раннем детстве любил садиться ей на ноги и плюхаться головой ей в живот. Мягко так!

Однажды я не рассчитал свою траекторию и выбил ей мосты.

С тех пор она так и ходила – без зубов и без мостов.

У нее были приятельницы – соседки-модницы. Одна из них, Зинка, говорила ей:

– Розочка, ты должна следить за собой! Вот посмотри на меня, какая гладкая у меня кожа! Вот тут и вот тут! Вот тебе мой совет: возьми баночку сметаны и смешай ее с половиной бутылки одеколона. И вот так вот втирай сюда, втирай!

Тетя Зина показывала, как она втирает свое снадобье в кожу под подбородком. Бабушка серьезно и спокойно смотрела на нее. Потом, когда тетя Зина ушла, бабушка сказала:

– Еще чего! Сметану я и так съем!

Однако бабушка всегда перед выходом на улицу подкрашивала губы.

– Ваш дедушка в молодости очень любил, когда я красила губы!

… – Но в юности я была стройной!

– А какое у тебя было в детстве прозвище?

– Да не было никакого. Розой все звали… Ну, иногда бочкой с салом дразнили. Ну, это я даже сама не понимаю, почему…

Мне очень нравилось, что мою бабушку зовут Розой. Ни у кого в нашем дворе не было бабушки с таким чудесным именем!

Мы гуляли с ней мимо омытых недавним летним кишинёвским ливнем клумб с огромными, пышными и ароматными розами – холодно-розовыми, желтыми, белыми и темно-красными, я нюхал их, гладил их лепестки и посматривал на улыбающуюся бабушку.

Позже я узнал, что у бабушки была двоюродная сестра Клара, ее ровесница, и что родители-большевики назвали девочек в двадцать четвертом году вовсе не в честь прекрасных цветов. Но об этом я узнал намного позже, и потому мне это было совсем неважно.

В 1946 и 1947 годах в Молдавии, куда бабушка с дедушкой переехали после войны, был страшный голод. Он был вызван сильной засухой. Говорить о нем в газетах и по радио запрещалось, и помощь из центра никакая не приходила.

А у моей бабушки как раз родился первенец – мой дядя. И хотя она почти ничего не ела, молока у нее было хоть отбавляй, и дядю она выкормила. Собственными запасами, которые накопило ее благоразумное тело.

И в эти годы, судя по фотографиям, она действительно была худой.

– А хлеба давали по двести граммов в день на человека. Черный такой… И безвкусный совсем… Помню, три часа стояла я за ним в очереди. Купила. Вышла из магазина, иду с ним и несу его вот так: (бабушка показала, как несла свой черный кусок хлеба в двух ладонях, прижав его к животу). – И вдруг! Откуда ни возьмись – парень какой-то подбегает – такой, лет четырнадцати – и прямо из рук у меня выхватывает мой хлеб! И начинает его есть! Я даже ничего не успела сделать – он глотал его такими огромными кусками! … И вот так я и пошла домой… С пустыми руками.

– А однажды я пришла на рынок и вижу – булочки продаются пшеничные. Я спрашиваю: «Сколько стоит?» Ну, тетка мне цену назвала… Дорого, но не очень. Дороже, чем черный хлеб, конечно. Но, я думаю: «Все-таки это же булочки! Белые, пшеничные…» У меня с собой платье было – я его из Оренбурга привезла. Ситцевое, голубое с вышивкой. И кофточка бумазейная, черная. Поторговались. Ну, тетка отдала три булочки за платье и за кофточку.

Пришла я домой, кричу: «А что я купила!»

Разрезали. А внутри – макуха. Тоненький такой слой теста пшеничного, а внутри – макуха. Жмых.

Ну, я пошла на рынок опять. Но тетки той, конечно же, уже там не было.

Я потом еще долго, проходя по рынку, высматривала ее – вдруг, думаю, узнаю ее! Так и не видела ее больше… А ведь она жила потом вот так вот среди нас, платье мое голубое носила. Может, и сейчас живет.

– А в школе мне сначала часов давать не хотели. Вроде уроки хорошо вела, детям нравилось. Сочинения они у меня хорошие писали.

Помню, пришла ко мне как-то на урок одна – Соколова такая была. Тоже русский и литературу вела. Ну, посидела, посмотрела. Записала что-то. Ничего не сказала, только «спасибо» и «до свидания».

А потом на педсовете и говорит: «Роза Андреевна все время на уроке кофточку свою вот так вот поддергивает!» (Бабушка показала, как она поддергивала вниз свою кофточку).

Ну да, были у меня две кофточки марлевые. После войны отрез достать трудно было, а марлю можно было достать. Ну я и сшила себе две кофточки. И покрасила одну синькой, а другую – в розовый цвет. А синяя кофточка села. Ну, а я что сделаю? Так и ходила в ней. Вроде бы и ничего – если так просто ходить. А если на доске пишешь, она задирается! Приходилось поправлять.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.